

ТАЛАНТ АРБУЗОВА

Роман Шарафа Рашидова • Об авторе «Иркутской истории»
Народная артистка В. Пашенная • «Мне о России надо говорить...»

К. РУДНИЦКИЙ

ДЛЯ ТЕХ, кто давно следит за творчеством Алексея Арбузова, «Иркутская история» явилась новостью, сюрпризом. Дарование Арбузова, казалось, намеренно и строго ограниченное пределами моральной и этической проблематики, твердо закрепившее за собой привычные формы психологической драмы и лирической комедии, на протяжении трех десятилетий развивалось последовательно и плавно. Арбузов неизменно встречал своих молодых героев и героинь в тот самый момент, когда их юношеские иллюзии оказывались перед лицом непредвиденных трудностей взрослой, требовательной и ответственной, подчас очень суровой жизни, шел с ними об руку сквозь драмы формирования характера и расставался на пороге обретенной зрелости.

Ему случалось поддаваться сентиментальности, его порой соблазняло прекрасодушие. Но в лучших пьесах Арбузова редкая подлинность чувства и тонкость анализа душевных движений счастливо сливались с верным и живым ощущением времени. А потому сценические разговоры его героев звучали с подкупающей естественностью, задевали за живое. Они не «обменивались репликами», обусловленными схемой ситуации или логикой придуманного конфликта, они жили, радовались, страдали, и скромная фраза, сказанная словно бы невзначай, вдруг внезапно раскрывая душу сценического героя, сближала его со зрителями. Арбузовская нота звучала со сцены чисто, правдиво и сердечно.

Бесспорные успехи Арбузова всегда сопровождались, однако, спорами о его пьесах. Собственно, спорили даже не о произведениях, спорили о их героях, запальчиво обвиняли Танию Рябинину в мещанстве, Шурку Ведерникова — в эгоизме и т. д. Автор пьес «Таня» и «Годы странствий» оказывался при этом словно в тени. О его персонажах говорили как о живых, вполне конкретных людях, совершивших такие-то и такие-то поступки, предосудительные с одной точки зрения, вполне разумные и естественные — с другой. Арбузовские герои как бы ежевечерне сходили со сцены в зал, покидали театр, смешавшись с толпой зрителей, и начинали новое, внесценическое существование там, где их впервые увидел или угадал писатель, — в студенческих общежитиях, в арбатских квартирах и полярных поселках.

Теперь только становится ясно, что несколько неожиданная, на первый взгляд, полемичность арбузовских пьес, явно избегавших обнаженной тенденциозности, открытого провозглашения авторской мысли, а также удивительная способность героев Арбузова незаметно входить в жизнь зрителей, словно по праву близкого личного знакомства, заранее предвещали возможность возникновения «Иркутской истории».

Впрочем, двадцать лет назад было и другое предвестие. В небольшом и неудобном клубе в Малом Каретном переулке был сыгран спектакль «Город на заре». На афишах не было означено имя автора пьесы, а имя режиссера хоть и было означено, но никому ничего не говорило. Тем не менее вся Москва называла студию, создавшую этот спектакль, «Арбузовской». Режиссером был Валентин Плучек.

Именно тогда объединенными усилиями руководителей студии Арбузова и Плучека и студийцев, каждый из которых сам писал свою роль, была впервые опробована и испытана та драматическая форма, которая теперь в «Иркутской истории» окрепла и утвердилась на сцене. «Город на заре» был спектаклем о строителях Комсомольска-на-Амуре. «Иркутская история» — пьеса о строителях гидроэлектростанции на Ангаре. Легко заметить, однако, что обе драмы весьма далеки от пьес того типа, которые у нас с серьезным видом называют «производственными» и в которых, в полном соответствии с вежливым замечанием поэта,

Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий бед.

Несмотря на двадцатилетнюю дистанцию, разделяющую эти произведения, их роднит арбузовское пристальное внимание к духовному миру и чувствам молодого человека наших дней, к его нравственному облику. В этом

омысле они близки и «Тане», и «Годам странствий». В наши дни вопросы, волновавшие Арбузова на всем протяжении его писательского пути, обрели особую актуальность и остроту. Будущее приближается все стремительнее. Все острее чувствуется несоответствие между захватывающим дух развитием нашей экономики, общества, науки и жирном буржуазности, мещанства, обволакивающим порой отношения людей. У пульта управления безукоризненно гармоничной, эстетически совершенной, умной машины оказывается подчас далеко не совершенный человек. Пока он молод, о нем можно и должно позаботиться, можно, как сказано в «Годах странствий», «научить, помочь, спасти».

Это желание сегодня придает излюбленной морально-этической проблематике Арбузова огромный общественный потенциал. Оно-то и побуждает драматурга отказаться от хорошо изученных средств «комнатного», скромного театра и вынести волнующую его тему на простор широкого, открытого обсуждения, когда движение действия сопровождается и комментируется хором, когда герои драмы вправе со сцены вдруг обратиться в зрительный зал — или к хору — за советом и когда побуждения, вызвавшие тот или иной решительный поступок, заведомо и заранее обнажены. Арбузовская драма распахнулась, ее лиризм разом приобрел и откровенность, и энергию прямой борьбы за нравственные идеалы, необходимые новому обществу.

В новой, более масштабной и более активной драматической форме талант Арбузова полностью сохранил свою чуткость, тонкость, отзывчивость, свою неприязнь к громкой фразе и горделивой позе. Арбузов понимает величие скромного выражения чувств, — в этом один из секретов жизненности всех его пьес, и «Иркутской истории» в частности.

В «Иркутской истории» есть замечательная сцена, когда героиня пьесы Валя вдруг превращает очередное свидание со своим дружком, «своим парнем» Виктором в открытое, публичное объяснение. Заранее зная, какой будет ответ, она при Сергее Серегине, при своей подруге Ларисе говорит Виктору,

что собирается замуж за него. Виктор лениво отмахивается: «Ну что озоруюшь?» А Вале только это и нужно, ей этого достаточно, чтобы вытащить на свет божий, показать всем — и до боли ясно увидеть своими глазами — «любовь» Виктора: любовь неуважительную, небрежную, сытую, любовь свысока и любовь между прочим.

Вот эту-то оскорбительную и унижительную для нее любовь Валя с болью отбрасывает, низвергает, отвергает. Арбузов, с блеском написавший сцену импровизированных «именин» Вали, прекрасно понимает, сколь злободневной темы он касается и как важно дать открытый бой весьма распространенным суррогатам чувств, заменителям любви, всем этим слишком легким и слишком обыденным связям от скуки, отношениям без обязательств. Но, вопреки убеждению иных критиков, этим далеко не исчерпывается задача Арбузова. Ни автора, ни влюбленного в Валу Сергея Серегина вовсе не радует вполне возможное превращение «Вальки-дешевки» в «Вальку-душеньку», в добродетельную мамашу, круг интересов которой сосредоточен возле домашнего очага. Отношения людей в любви ставятся Арбузовым в близкую (если не в прямую) зависимость от их отношений в обществе, в труде. Здесь-то старая, можно даже сказать, «вечная тема» моральной чистоты обретает новое, конкретное, сегодняшнее звучание, здесь — решающее слово за коллективом, который выступает в пьесе Арбузова и в образе дружной бригады экскаваторщиков, и в самом образе спектакля, где герои пьесы, хор и зрительный зал видятся как единое сообщество советских людей современности.

В столкновениях мнений, вызванных «Иркутской историей», занимательна одна странность: находятся критики, которые возносят до небес содержание пьесы и выражают недовольство ее формой. Само по себе такое стремление рассматривать порознь, «отдельно» содержание и форму художественного произведения представляется мне по меньшей мере наивным. Форма «Иркутской истории» подсказана не театральной модой, не прихотью автора, —

ее определяет и диктует именно «содержание», она активна постольку, поскольку активна позиция автора, который не желает выпустить зрителей из зала в благодушном, умиротворенном настроении: мы, мол, все поняли и во всем согласны с драматургом, режиссером, актерами... Нет, Арбузов хотел бы, чтобы зрители унесли с собой все тревоги, сожаления и надежды, которые вызвала в их сердцах только что разыгравшаяся драма. Он хотел бы, чтобы «история», им рассказанная, и «частный случай», с которым столкнулись зрители, послужили толчками для широких, обобщающих размышлений о жизни, о том, как сделать «красивой судьбой» судьбу каждого.

Это удается Арбузову прежде всего потому, что талант драматурга ощущает форму как единственно возможную художественную плоть волнующей его мысли. В минувшем году я видел «Иркутскую историю» в шести театрах, в разных городах, и убедился, что публика, при всем различии режиссерских решений, повсеместно и безоговорочно принимает, чувствует и понимает как единое, нераздельное целое форму и содержание арбузовской драмы.

В живой человечности этой драмы заключена мощная эмоциональность. Одновременно и добрый, и требовательный подход к современнику сближает «Иркутскую историю» с поэзией А. Твардовского, с фильмом Г. Чухрая и В. Ежова «Баллада о солдате». Гуманизм произведений этих художников извлекает из конкретности нашего сегодняшнего бытия твердый оптимистический прогноз на будущее. В этом их главная сила, тут главная причина их успехов, тут и секрет огромной популярности «Иркутской истории».